

Рисунок Анны Крымовой

*Кристине Федоровой и Расиме Рахматуллиной —
с благодарностью.*

Все события и герои, а также место действия вымыш-
лены.

Любые совпадения случайны.

Пролог

Секунда до бездны

*Небо сжималось в точку, и я летела,
То ли стремилась вверх, то ли падала вниз.
Крылья мои окропила звездная пыль,
Тушь расплавленным солнцем текла по лицу,
И лунный застыл черным камнем в глазах.
Я потерялась, и выхода нет —
Только небо. И вечность.
И голос.*

Группа «Стекломята»

Срочная пресс-конференция Дианы Мунлайт должна начаться в шесть часов вечера, однако, несмотря на то что до шести осталось всего пять минут, никто не спешит выходить и делать заявление. И даже когда стрелки часов показывают начало седьмого, пресс-конференция все еще не начинается.

Зал переполнен журналистами: кто-то переговаривается между собой, кто-то печатает на ноутбуке, набрасывая текст будущей статьи, кто-то на всякий случай проверяет аппаратуру, стоящую напротив невысокой сцены, на которой высятся пустые стол и стулья. Однако никто из журналистов понятия не имеет, для чего их столь внезапно пригласили в роскошный конференц-зал отеля «Гранд-Кардон». И что такого необычного могло произойти с молодой, талантливой и, бесспорно, ставшей за короткое время популярной певицей?

Никто не знает.

Есть лишь предположения. Одни считают, что мисс Мунлайт скажет о своем избраннике или даже замужестве, другие думают, что она объявит о внезапном окончании карьеры, третьи делают ставки на то, что Диана начнет обвинительную кампанию против «Биг-Скай Рекордс» или даже... против отца. А почему бы и нет?

Десять минут седьмого. Пятнадцать. Двадцать.

Никто так и не выходит — ни певица, ни ее менеджер, ни продюсер. Лишь нервно переговариваются о чем-то работники отеля и просят собравшихся подождать, ссылаясь на непредвиденные обстоятельства. Что за обстоятельства, не поясняют.

Все это и раздражает, и интригует. По крайней мере, эти чувства испытывает сидящий в первых рядах Маршалл Ленингтон — молодой светловолосый мужчина в очках, с кривой полуулыбкой, выпирающим кадыком и пронзительными глазами. Он работает в скандально известном журнале «Миллениум» и специализируется на звездах, неплохо получая за то, что раскрывает их тайны и умело подает на белом блюде голодной до зрелищ обществу. Маршалла в шутку называют Псом — за его отличный нюх на секреты и скандалы. Именно Маршалл смог добыть скандальные фото измены актрисы Лесли Стромберг своему мужу-сенатору, именно он стал автором сенсационного материала, разоблачающего махинации киностудии «Темпл Пикчерс», именно он раскрыл миру правду на Джуно Рейли, рассказав о его связи с мафией и любви к совсем молодым мальчикам. Правда, в целях безопасности пришлось публиковаться под псевдонимом, но все же Маршалл собой гордится. Он — настоящий профессионал. Папарацци. И гордится этим.

А вот до Дианы Мунлайт Маршалл так и не добрался, хотя нутром чувствовал — с ней что-то не так. Слишком чистой, почти непорочной кажется она. Отстраненной и в то же время прямой, не знающей, что такое лезть, ложь и притворство. Но в шоу-бизнесе так не бывает — ступивший в грязь не остается чистым. Грешки водятся за всеми — Маршалл в этом уверен. Шкафы небожителей переполнены скелетами и трещат по швам — стоит лишь тихонько постучать, и скелеты вывалятся сами.

Двадцать пять минут седьмого. Тридцать. Никого нет.

Кто-то из знаменитостей откровенно побаивается и избегает Маршалла, кто-то пытается завести подобие дружеских отношений, кто-то даже пробует подкупить — но журналист занимается своим делом «из любви к ис-

кусству» и правде. А кто-то его просто презирает и в лицо говорит о том, что он — полное дерьмо. Диана Мунлайт такая. И это даже восхищает Маршалла, но тем не менее он хочет узнать ее *получше*. И именно поэтому он сейчас находится здесь.

Кто ты такая, Ди?

Соответствует ли твой образ действительности?

Или?..

Маршалл терпеливо ждет появления мисс Мунлайт или ее представителей, потому что уверен — им есть что сказать. И он почти уверен, что это заявление будет связано с Дастином Лестерсом. Маршалл давно подозревает между ними связь, однако доказательств этому нет. Зато у него есть отличный материал про Лестерса и Ричарда Фелпса, участника группы «Пепельные цветы».

«Пепельные цветы» Маршалл недолюбливает. Когда они были на пике популярности, он заканчивал старшую школу, и многие девчонки сходили по ним с ума, что жутко раздражало. Но к кому Маршалл испытывает глубокую антипатию, так это к Лестерсу. Когда-то давно девушка, с которой они вместе учились в колледже, выбрала не его, а Лестерса, тогда еще обычного официанта, стучащегося во все двери киностудий. Маршалл так и не простил Сальму. Но даже то, что они не виделись уже несколько лет, не мешало ему продолжать думать о ней — разумеется, втайне от всех. Тот, кто любит чужие секреты, непременно хранит свои. Ну а Лестерс — Лестерс очень обрадуется статьям и фото, которые удалось сделать Маршаллу. Эта мысль его греет.

Сорок минут седьмого. Все слишком затягивается. Но интерес не утихает. Только лишь обостряется.

Журналисты переговариваются громче и громче, кто-то даже спрашивает, есть ли смысл тут торчать. Ему отвечают, что смысл есть и что пресс-конференция вот-вот начнется.

Маршалл спокоен. Он уверен — что-то произойдет. Просто надо подождать — а уж это искусство постигнуто им сполна.

Его голову снова занимают мысли о семье Мунлайт. Кроме Дианы, Маршалла крайне интересует ее старший брат Аарон — тот, кого пророчат в преемники Николаса. До недавнего времени Аарон считался одним из самых завидных женихов страны: богатый, красивый, умный, не замешанный в скандалах — просто образец для подражания. А не столь давно женился на аристократ-

ке Елене Манфорд, дочери барона Манфорда. Не пара, а идеал — по крайней мере, с виду. Бренд. Разрекламированный и эксклюзивный.

Про Елену Маршалл ничего сказать не может, кроме того, разумеется, что она чертовски хороша, и это при том, что никогда не делала пластику — он проверял этот факт. А вот Аарон Мунлайт не такой уж и образец для подражания, как оказалось. Совсем не такой.

Думая о нем, Маршалл чувствует, как на его губах играет легкая полуулыбка. У Маршалла есть кое-что на Аарона. И это «что-то» может взорвать новости — главное, получить оставшиеся доказательства и дождаться нужного момента. Он уверен — это будет бомба. Правда, Елену несколько... жаль. Впрочем, она сама выбрала себе такую жизнь и такого мужа. Желающих было множество, и ей повезло больше, чем остальным.

Маршалл знает, что не стоит связываться с семьей Мунлайт — Николас Мунлайт слишком значимая и влиятельная фигура, и знает, что никто не согласится публиковать *такую* статью. Однако в эпоху Интернета легко можно будет распространить эту информацию по Всемирной паутине. Главное, знать, как это сделать, и тогда даже Николас Мунлайт не сможет остановить лавину.

Маршаллу нравится ощущать себя выше тех, кто считает себя хозяевами жизни. Ему кажется, что его дело — правое. Он уравнивает этот мир.

Время продолжает медленно двигаться вперед.

— Зря пришли? Мунлайт не придет? — спрашивает сидящий рядом зеленый юнец из «Нью-Корвен Мейл», газеты с большим тиражом, которая постоянно дискредитирует себя фейковыми новостями. Маршалл презрительно называет такие «газетенками». Он, конечно, роется в чужом грязном белье и роется тщательно, но он всегда уверен в том, что пишет.

— Надеюсь, что придет, Том, — отвечает Маршалл, поигрывая шнуром от бейджа, на котором значатся его имя и издание, в котором он работает. Он напряжен, хоть и старается не подавать виду — уверен, что что-то происходит. Но что, что? Маршалл ненавидит оставаться в неведении.

— О чем она хочет сказать? Есть мысли? — спрашивает Том, поглядывая на наручные часы.

Маршалл пожимает плечами — делиться *своими* мыслями он не намерен.

— Без понятия, Том, совершенно без понятия. Ты нервничаешь, — замечает он. — Торопишься?

— Немного, — признается Том. — Сегодня у меня назначено интервью с одной дамой. И я боюсь опоздать.

— Забей на интервью, — добродушно советует Маршалл. — Тут ты можешь получить эксклюзив. А там...

— Тут могу, а там — точно получу. — Видя, как скептически смотрит на него коллега, Том выдает: — Эта женщина утверждает, будто родила дочь от... — имя он шепчет едва слышно, и Маршалл приподнимает бровь от удивления. Это весьма неожиданная информация.

— А ты уверен, что она не сумасшедшая? — спрашивает он. — Ты же знаешь, постоянно находятся «родившие» то от миллионера, то от звезды. Либо сумасшедшие, либо охотницы за деньгами и славой.

— Уверен, — кивает юнец Том. Он доволен собой. И доволен тем, что смог похвастаться перед таким коллегой, как «Пес» Ленингтон. Однако он не замечает, какой блеск появляется в светлых глазах Маршалла. И не видит, как тот набирает сообщение одному из внештатных коллег, с которым часто работает в паре. Он просит срочно подъехать к отелю «Гранд-Кардон» и проследить за Томом — его фото, сделанное украдкой, Маршалл тоже пересылает коллеге.

Своего он не упустит. А юнцу будет урок — не делись с кем попало новостью, особенно если она грозит стать сенсацией.

Без пятнадцати семь. Так никого и нет. Но пресс-конференцию все не отменяют.

Журналисты волнуются. Не то чтобы они не привыкли ждать — на недавнем закрытом саммите союзных государств аккредитованные журналисты прождали более восьми часов, прежде чем политики вышли на интервью огласить список соглашений и компромиссов, к которым пришли при обсуждении. Однако Диана Мунлайт — это не политик. Всего лишь певичка.

«Почему ты не занимаешься настоящей журналистикой?» — звучит в его голове женский голос, и Маршалл едва заметно хмурится. Он отгоняет мысли о той, кому принадлежит голос, не замечая, как постукивает пальцами с коротко обрезанными ногтями по жесткому подлокотнику кресла.

Глупость. И эта девчонка — тоже глупость.

Без десяти семь его телефон начинает вибрировать — звонят из редакции и сообщают срочную новость: Ричард Фелпс, бывший участник группы «Пепельные цветы», также собирает пресс-конференцию. Это же сообщение

получают и многие другие коллеги Маршалла. Фелпс уже давно и носа не показывает в родном городе, чем он занимается — никому не известно. Поговаривают, что он просяживает деньги матери, а недавно купил виноградник где-то во Франции. Сладкий Ричард не хочет вспоминать о своем прошлом, хотя остальные горят желанием сделать это. Из кумира прошлых дней (кумира для малолетних девчонок, разумеется) Фелпс сделался человеком-тайной, и тех, кто желает разгадать эту тайну, немало.

Почему Фелпс решил на пресс-конференцию, никто не знает. Никто даже не догадывался, что он в Нью-Корвене — информации о том, что Ричард вернулся обратно, нет никакой.

Что он хочет сообщить прессе, по какой причине, с чем это связано — все остается неясным. Пожалуй, для всех, кроме Маршалла, и он усмехается про себя, слыша разговоры коллег. Это еще один эксклюзивный материал, которым он владеет — узнал обо всем из-за Лестерса, совершенно случайно. Но каково же было его удивление!

Его телефон снова вибрирует — приходит сообщение: *«Пожалуйста, не надо! Я тебя очень прошу. Пожалуйста. Я все что угодно сделаю. Не трогай Лилит»*, — пишет та, которая некоторое время снабжала его интереснейшей информацией.

Маршалл не отвечает — все еще помнит ее вопрос, почему он не занимается «настоящей журналисткой». Возможно, эти слова задели его. А может, они задели что-то другое внутри него — не струны гордости или самолюбия, а что-то другое... Более потаенное.

Глупости. Все это — глупости.

Ему ничего от нее не нужно.

Ровно в семь все-таки объявляют, что пресс-конференция Дианы Мунлайт переносится на неопределенное время, и все могут быть свободными.

Ничего не понимающие журналисты покидают величественные стены «Гранд-Кардона». Они только зря потратили время, не получив ничего.

Маршалл все-таки разочарован. Он был уверен — *что-то* будет.

Он стоит на позолоченном солнцем тротуаре около входа в отель, щурясь из-за ярких лучей. Ему нужно дозвониться до коллеги и сказать о том, что планы меняются — Том еще не вышел на улицу. Нестерпимо хочется курить, и печет спутанные чуть волнистые волосы — пора состричь их, да некогда. Еще Маршалл все-

таки думает позвонить той, которая прислала ему сообщение, а следом за ним еще одно, и еще, и еще. Только он их не читал.

Однако он не успевает набрать даже коллегу — ему самому звонят. Номер на экране не определился, но Маршалл отвечает, внимательно следя за выходом из отеля — не хочет пропустить Тома.

— Слушаю, — сухо говорит Маршалл, попутно хлопая себя по карманам в поисках пачки сигарет.

— Здравствуйте, — раздается незнакомый женский голос — он спокоен и словно обволакивает его. — Маршалл Ленингтон?

— Он самый, — отвечает журналист, прикрывая глаза ладонью — в этом городе слишком много солнца. — Кто вы и что хотите?

Он слышит короткий вздох, будто та, которая звонит ему, набирает воздух поглубже в легкие — так делают, когда решаются на что-либо. А потом слышит:

— Прошу извинить за внезапный звонок. Меня зовут Елена Мунлайт, и я хотела бы встретиться с вами.

Маршалл не верит своим ушам. И даже отстраняет телефон от уха, чтобы еще раз взглянуть на экран.

Та самая Мунлайт? Елена Прекрасная, как ее за глаза называют в их тусовке? Она?..

Быть не может.

— Для чего вам нужна встреча, миссис Мунлайт? — спрашивает он.

— Приватный разговор, мистер Ленингтон.

— Вот оно как, — задумчиво тянет он. — Но вы понимаете, что ваш звонок... несколько необычен и внезапен? Я даже могу... — Он делает длинную паузу, соображая, что происходит.

— Заподозрить меня в том, что я не та, за которую себя выдаю, — спокойно реагирует Елена Мунлайт. Предположительно Елена Мунлайт, разумеется. Но интуиция Маршалла подсказывает ему, что это все-таки она.

— Да. Что...

Уточнить, что за приватный разговор, он не успевает — к отелю стремительно несется черный мотоцикл и опасно тормозит рядом с Маршаллом, едва не взрезавшись в отъезжающее такси. Им управляет парень в кожаной куртке и в кожаных перчатках с отрезанными пальцами, а позади него, крепко обняв за пояс, сидит девушка в джинсах и клетчатой рубашке.

Из-под ее шлема торчат красные волосы.

Парень слезает с мотоцикла, снимает с себя шлем и громко кричит, привлекая внимание журналистов, которые еще не успели уехать:

— Пресс-конференция будет! Слышите меня? Эй! Возвращайтесь, мать вашу! — И берет девушку в шлеме за руку.

Маршалл узнает его.

И думает, что они все сумасшедшие.

Он не может не вернуться обратно, но прежде договаривается с Еленой Мунлайт — предположительно Еленой Мунлайт — о встрече. И бежит следом за коллегами. Такое пропустить Маршалл «Пес» Ленингтон точно не может.

Журналисты спешно возвращаются в «Гранд-Кардон», явно оставляя постояльцев гостиницы в недоумении.

Солнце светит легко и ярко. Но ведущая прогноза погоды, появившаяся на огромном медиафасаде одного из небоскребов, говорит, что после вчерашней грозы ожидается сухая погода и потепление.

Следом запускается реклама трейлера нового фильма Дастина Лестерса, в котором он играет рок-стар. А затем — реклама духов «Северное сияние», лицом которых является Диана Мунлайт.

Мята, морской бриз, грейпфрут, древесные нотки и ночные цветы, озаренные лунной дорожкой.

Пресс-конференция начинается.

*Ровно секунда до бездны —
Прошу тебя, только не отпускай.
Даже если была бесполезной,
Я горела. Последнее
правило тайн
позабыв.*

Глава 1

Янтарь и аквамарин

15

*Осень как смысл жизни.
Ты как моя осень.
Но однажды я бы хотел
попасть в весну.*

Этой ночью я нахожусь дома одна и переглядываюсь с тусклыми звездами, сидя на подоконнике с гитарой в руке. Я пытаюсь поработать над лиричной песней, которая почему-то связана в моей голове с образом Кристиана Уилшера, но ничего не получается. Я не слышу музыку — Небесное радио в последнее время работает из рук вон плохо. То с помехами, то вообще молчит. И без него музыка получается... пресной.

Я играю на акустике партию за партией, мысленно бракуя каждую из них — все не то, все совершенно не то. Я не могу выстроить единую мелодию. У меня не получается сделать ритмический контраст, да и вообще, мне не нравится ритмический рисунок. Аккорды то и дело сбиваются, тональности оказываются не теми, штрихи смазаны. Легато, вибрато, свип, тэппинг, баррэ — все не то. Я словно слышу музыку сквозь вату — до меня доносятся лишь ее глухие отголоски.

Вокруг меня — гора листков с аккордами и ходами, в каждом из них — море исправлений, а иные и вовсе смяты. То и дело мне вспоминаются слова Эммы Мунлайт.

